

НАША СТРАНА

Editor-Director
VSEVOLOD DUBROWSKY

Casilla de Correo 2847
Buenos Aires Argentina

ОСНОВАНА И. Л. СОЛОНЕВИЧЕМ
“НUESTRO PAIS”

SEMANARIO MONARQUICO RUSO
Registro Nacional de Propiedad Intelectual Nº 523.142

Correo
Central B.
Argentina

FRANQUEO PAGADO
Concesión Nº 4233
Concesión No. 3980

INTERES GENERAL

АÑO X Buenos Aires, Jueves, 30 de enero de 1958

Буэнос Айрес, четверг, 30 января 1958 года

№ 419

Иван Солоневич

МЫ ОСТАЕМСЯ НА СВОЕМ ПОСТУ

...В данном случае убийство не совсем удалось. Это удивительно — как ни как специалисты.

Они думали убить “Голос России” и они его не убили.. Мы с Юрой остались живы и мы с Юрой продолжаем оставаться на своем посту.

Из нашей раздробленной квартиры-редакции мы вышли в полуголом или — если хотите — в полуодетом виде. Из всего — весьма скромного имущества остались — пишущие машинки, две кровати и один стол. Семья наших старых друзей Каллиниковых приютила нас. Я просил о том, чтобы Тамочка и Коля были похоронены рядом с Ваней Каллиниковым, моим старым другом и товарищем, убитым большевиками в 1924 году, и сейчас, под землей, три борца за русское дело лежат так же, как мы все должны были бы С Т О Я Т Ъ: плечом к плечу.

Убийство третьего февраля не достигло своей цели. Как это ни было трудно и тяжело — мы выпустили очередной номер нашей так называемой газеты: нужно было показать у б и й ц а м, что убить — это еще сравнительно легко, а с л о м а т ь — это на много труднее. Сломать не удалось.

Повторяю паки и паки: все разговорчики о д у х о в н о м в ы р о ж д е н и и нашего народа — это ерунда, вздор и сапоги в смятку. Русский народ — это стальная пружина, которая распрямляется от битых при Калке до Владивостока и от Бородина до Парижа. Все это совсем не так просто, как кажется по элементарным учебникам истории и географии.

Убийство третьего февраля дало и еще некоторые результаты.

Первое:

Оно к р о в ь ю доказало, что рассеянные по всему свету эмигрантские штабс-капитаны вовсе не такой никому ненужный и никому неопасный сброд, как об этом весьма любят говорить наши унылые самоплон. Если большевики идут на риск похищений и убийств (а во всяком похищении и убийстве есть риск срыва и разоблачения), то только потому, что силы и будущность нашего зарубежья они оценивают гораздо яснее и толковее, чем оценивают наши самоплон. Ежели бы большевики рассматривали эмиграцию, как сброд, то не нужно было бы ни отравления ген. Врангеля, ни похищения генералов Кутепова и Миллера, ни убийства третьего февраля: ну сброд и сброд: сам по себе логичен, денационализируется, забудет Россию

С чем и зачем беспокоиться?

Второе:

Улары направляются исключительно против национальной части эмиграции. Никакому чекистскому дураку не придет в голову похищать товарища Казем-Бека. При нескольких б о л ь ш е й изобретательности Кремль послал бы в эмиграцию еще десять таких: никакого вреда, а только пользы... Весь смысл красного террора заключается в том, что большевизм вообще, а нынешний аб-

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ ТОМУ НАЗАД

3 ФЕВРАЛЯ 1938 ГОДА

НА ПОСТУ СЛУЖЕНИЯ РОССИИ

ПАЛАЧАМИ РУССКОГО НАРОДА

БЫЛИ УБИТЫ

ТАМАРА ВЛАДИМИРОВНА СОЛОНЕВИЧ

И

НИКОЛАЙ ПЕТРОВИЧ МИХАЙЛОВ

дул гамидизм в частности хотят убирать возможных преемников власти в России... Так, чтобы страна все время оказывалась перед перспективой: никого другого все равно нет.. Кому придет в голову бросать бомбу в “Последние Новости”? Они ведь все равно для наследования русской власти никаких шансов не имеют — ну и пусть себе полегоньку критикуют: с одной стороны — нельзя не сознаться, а с другой стороны — нельзя не признаться, ни два, ни полтора, ни рыба ни мясо..

Я должен безо всякого прискорбения сознаться, что в некоторых отношениях я разделяю большевистские убеждения: я, как и они, у б е ж д е н в том, что национальная русская эмиграция, наши штабс-капитаны, являются великой опасностью для большевизма. Я убежден и еще в чем то большем, что именно они будут преемниками власти, конечно, перелача ее не пройдет в “конституционных формах”... Вот именно поэтому то большевики ни разу не затонули наших либералов (это, действительно, сброд, сброд для России уже совершенно ненужный) и все время наносят удары именно по штабс-капитанским рядам.

Это

оценка врага.

И эту оценку мы обязаны понять и вывести из нее все соответствующие заключения.

Третье:

В печати высказывались пожелания, что меня хотели убить, как автора антисоветских книг, расхляпавшихся по всему миру. С этим предположением я не согласен никак. Убийцы не могли не знать, что книги эти переведены на много языков

и что моя смерть создала бы только л анюю рекламу этим книгам — у йство третьего февраля такую ре-к му фактически и создало. В э . о м отношении никакое убий-с во ничему помочь бы не могло. Убить уже выпущенную в свет книгу вообще невозможно. Но можно убить газету. Убийство было направлено только и исключительно против “Голоса России”.

Четвертое:

Оно и здесь не достигло своей цели: “Голос России”, хотя и кое как, но все таки живет. Но с него кровью двух мучеников за русское дело смыты всякие подозрения в советской агентуре.

Я никогда не возражал против таких подозрений. Они являются не только правом, но и обязанностью всякой русской национальной организации: мало ли какие чекистские волки могут притти сюда в овечьей шкуре, с медом на устах и с тротилом в кармане. Пожалуйста, проверьте. Не проверили. Жаль. Сейчас проверяют болгарские власти. Но для русского зарубежья проверка эта, пожалуй, уже и не нужна.

Подробности взрыва, я думаю, мало интересны. Кто то утром принес нашей прислуге посылку лично для меня, посылка была положена на стол, Коля ее вскрыл — и от него остались только клочки. Если бы Тамочка на несколько секунд заперла бы войти в столовую — она, может быть, осталась бы жива.

Я говорю “может быть” — ибо тот факт, что мы с Юрой п о к а уцелели — факт вообще несколько фантастический. Вырванная из косяка дверь врезалась в стену в нескольких сантиметрах от моей головы —

В воскресенье, 2 февраля с. г., после Божественной Литургии в Кафедральном Храме Воскресения Христова (Вижа Пуэйрредон) будет отслужена п а н и х и д а по злодейски убиенным 3 февраля 1938 года,

ТАМАРЕ ВЛАДИМИРОВНЕ СОЛОНЕВИЧ

и
НИКОЛАЕ ПЕТРОВИЧЕ МИХАЙЛОВЕ

и по безвременно скончавшемся 24 апреля 1953 г.

ИВАНЕ ЛУКЬЯНОВИЧЕ СОЛОНЕВИЧЕ

“НАША СТРАНА”

Нина Снесарева-Казакова

Незабвенной памяти
Т. В. Солоневич и
Коли Михайлова

Мы помним.. гибель их страшна.
Они, как верные солдаты, —
Тот русский мальчик и жена,
Свой долг исполнившие свято.

За подвиг их, за путь их правый
мир вознесет их имена.
И будет Русская Держава
Непобедима и сильна.

Мы помним третье февраля,
Мы донесем его в Россию:
Там в храмах свечи золотые
Затеplit русская земля.

И будет в храмах тишина,
Когда произнесут с амвона
Их дорогие имена,
И молча склонятся знамена.

Там, у безвременных могил,
На русском кладбище в Софии
Взор их возлюбленной России
На них в столетиях почил.

(“Наша Газета” № 16
1 февраля 1939 г.).

она с таким же успехом могла бы врезаться и в голову. Тяжелое кресло, стоявшее в столовой, выбило дверь из столовой в Юрину комнату и из Юриной комнаты — дверь на веранду и разбилось в куски о цементную балюстраду веранды. Оно могло бы пролететь аршином левее — и тогда от Юрочки осталось бы тоже очень немного. Я сейчас, в данном моем состоянии, не могу еще сказать: то ли Господь Бог нас спас, то ли Господу Богу было угодно возложить на наши плечи очень уж тяжелую ношу. Сейчас в сознании все еще в кровавом тумане и трудно ответить на этот вопрос. Но на некоторые в о п р о с ы я могу ответить с полной ясностью — ибо они продуманы и выстраданы долгими годами:

Борьба с большевизмом есть вовсе не политическая борьба. Не борьба просто одной партии просто против другой партии. Это есть борьба за Жизнь с большой буквы. Большевизм — это власть лжи, голода, смертей и убийства. Борьба с большевизмом есть обязанность всякого п о р я д о ч н о г о человека. Я хочу подчеркнуть: это не вопрос п о л и т и к и, а вопрос п о р я д о ч н о с т и: какая политика может быть в отношении убийц? Но всякий п о р я д о ч н ы й человек, видя, как на его глазах убивают девочку, не имеет никакого права перебрать в своей памяти все криминальные теории, пожать плечами и пойти дальше своей дорогой. Тут уже нужно драться. Драться по конца. Что там из этой драки выйдет — Господь его знает. Но пожать плечами и уйти дальше — это значит уйти оплеванным на всю жизнь.

(“Голос России” № 86.
15 февраля 1938 г.).

† Ив. Солоневич

3 ФЕВРАЛЯ 1938 ГОДА

В редакции нашей газеты мы вели исключительно идейную борьбу, борьбу мыслью и борьбу словом. Эта борьба оказалась опасной именно потому, что наши штабс-капитаны вовсе не такой бессильный и ничтожный слой, как об этом врут Кусковы и Милуковы. Мы не можем вести вооруженной борьбы, ибо наши и большевистские возможности несоизмеримы. Мы почти не можем вести конспиративной борьбы: у нас нансеновские паспорта, а у большевиков дипломатические. Нас только терпят, а они живут на правах экстерриториальности. У нас нищие штабс-капитанские франки — у убийц государственный бюджет. Мы не всегда можем получить оружие для самозащиты, большевики в дипломатических чмо-данах провозят не только адские машины, но и похищенных людей. Здесь возможности несоизмеримы. Но есть одна область, в которой мы несоизмеримо сильнее большевиков. Мы несоизмеримо сильнее в нашей правде. Именно эту правду хотели убить бомбой третьего февраля. Убийство не удалось. Это не значит, что оно по нашему адресу не удастся и в следующий раз. Но убить правду вообще — это вещь невозможная. Все равно: будут другие люди, которые, может быть, другими словами, но будут говорить о той-же правде, будут будить уставших и уснувших, будут выковыривать ненависть ко лжи, ненависть, основанную на правде. Это неизбежно. Бомбы тут ничем помочь не могут. "Г. Р." и наши голоса — это только отдаленный отблеск той ненависти, которая двадцать лет растет в сердцах стасемидесятиmillionного народа. Можно погасить эти отблески здесь. Но как погасить их в сердцах ста семидесяти миллионов? Это есть полная утопия и стопроцентная ерунда. Кровь — очень плохой огнетушитель.

**

И в мире, и в истории есть, конечно, элемент случайности. Я совершенно случайно проспал момент взрыва. Так сказать, проспал свою смерть. Тамочка более или менее случайно вошла в столовую за несколько секунд до взрыва. Коля еще более случайно раскрыл ножницы пакет с адской машиной, хотя давно было уговорено, что пакеты от неизвестных людей принимать нельзя. Ножницы, которыми Коля открыл пакет, оказались плоско вбитыми в стену, не острием, а всей своей плоскостью. Коля, вероятно, не успел почувствовать ровно ничего. Тамочка что-то, вероятно, еще чувствовала, но немного и недолго. Я — очень не богомольный, но глубоко верующий человек. К самому факту смерти отношусь довольно спокойно. В наш рационалистический век это может показаться наивным, и примитивным, но я ни одну минуту в своей жизни не верил, что смерть может прекратить существование человеческого "я". Если на Тамочкиной душе и были грехи, как и на всех нас, — то после пятнадцати лет социалистического рая — чем еще карать? Может быть, в конечном счете, взрыв 3-го февраля, с индивидуальной точкой зрения, дорожке всего обошелся именно мне.

Я все хочу написать о русской женщине в революции и о русской женщине в победе над революцией.

Все выходит, как мне кажется, как-то нескладно и неуверительно. Мои убеждения в так называемом женском вопросе я когда-то сформулировал так, что "этого пашивого жидка" Вейнингега с его "Полом и характером" я повесил бы безо всякого раззрения совети. И я продолжаю утверждать, что Россию спасает и спасет, в самом глубоком и в самом основном, неистребимый женский инстинкт охраны жизни. Следовательно, охраны семьи и следовательно, какой-то охраны даже и насмногогрешных представителей сильной половины пола человеческого. Тамочка всегда как-то нововела охранять меня, почему-то предполагая во мне какую-то неспособленность к жизни, а в семи пучках моих мускулов — какую-то тогательную хрупкость. В Одессе после ухода добровольцев, после того,

как я отболел своим сыпняком и как все мы отсидели в чрезвычайке, Тамочка решила подыскать для меня мирную профессию и какими-то путями, которых я сейчас уже не помню, попыталась меня устроить бухгалтером в каком-то заведении. Никогда в своей жизни я не был в состоянии сразу и без ошибки сложить три трехзначных числа. Даже и не в уме, а на бумаге. К великому огорчению Тамочки я предпочел столь неинтеллигентную профессию, как спорт. Тамочка была очень огорчена. Тамочка очень огорчалась, когда я в Софии пытался гулять по вечерним улицам: убьют. Она не выпускала меня одного и всегда конвоировала меня, в том, может быть, и наивном убеждении, что вдвоем будет безопаснее. По вечерам мы так и не выходили. Я относился скептически к попыткам такого рода самоохраны, но не протестовал. Обо всем этом я когда-нибудь напишу. Литература много, слишком много говорит о несчастных браках. Я чувствую некую моральную обязанность как-нибудь рассказать о нашем "развесе-лом семействе дутиков": почему люди должны знать о всякой мерзости жизни и почему им нельзя рассказать о том, что в жизни есть светлого и солнечного.

Это светлое и солнечное ликвидировано взрывом 3 февраля. Это светлое и солнечное в десятках миллионов женских душ борется в СССР, отстаивая бытие свое против страшной тьмы и кровавой грязи, которыми большевизм пытается закрыть и замазать и свет, и солнце русской жизни. Миллионы и миллионы русских мужчин и русских женщин погибли в этой борьбе, как погибли и Тамочка и Коля, но погибли гораздо более мучительно и страшно. Мне страшно думать о судьбах миллионов, медленно и заживо сгнивающих в концентрационных лагерях. Мне страшно думать о том лже-патриотическом словоблудии, которое яркими лозунгами славы, неделимости территорий прикрывает самое страшное, что было в нашей истории: попытки убить и тело, и душу нашего народа. И слава, и неделимость, ч территории, и армия, и церковь, и монархия, и империя — все это только производные величины от тела и от души нашего народа. Если это тело и тальше будет обескровливаться в колхозах и концлагерях, если душа и дальче будет опустошаться звериной бопльей за жизнь, за кусок хлеба и жилищло-чали, если дети, наши дети, цветы нашей жизни, и дальше будут "перековыряться" и в пионерских отрядах, и в колониях беспризорных, если и дальче воинствующее безбожие будет под-гывать народную веру, а невоинствующее ГПУ заменять священников "про-зренными людьми", то что останется от славы, и от неделимости, и от тер-ритории?

**

Взрыв 3-го февраля только очень слабый отблеск того, что делает большевизм. Это, выражаясь математически, только одна тридцатимиллионная часть того, что делается на просторе одной шестой части земной суши. Скорпционная резня еще не закончилась. Самое страшное еще впереди. И вот — оценивая прошлое и по мере наших сил предугадывая будущее, мы еще и еще раз должны дать себе совершенно ясный отчет.

Прежде всего и паче всего, всеми силами и всеми средствами, под любыми лозунгами и любыми вывесками, мы должны бороться против этой власти грабителей, растлителей и убийц. Эта власть — власть грабителей, растлителей и убийц — есть самое страшное в нашем мире, есть враг номер первый. Враг беспощадный и враг, которого щадить нельзя. под какими бы соу-ами нам ни подавались попытки примирения и пошавы. Скоппионы должны быть разчавлены. Перед этой задачей все остальное должно отойти на задний план.

("Наша Газета" № 16
1 февраля 1939 года.)

Протоиерей Г. Голубцов

НА СМЕРТЬ Т. В. СОЛОНЕВИЧ

У этого гроба не надо плакать; здесь не должно быть слез и безутешной скорби. О мучениках не плачут: им поклоняются. О героях долга не скорбят: их прославляют. Не плакать, а помнить надо и никогда не забывать, за что пролита эта кровь, за что так мученически погибла эта полная и физически, и духовных сил молодая жизнь! Теперь все мы воочию убедились, каким опасным врагом является в глазах поработителей нашей родины семья Солоневичей с издаваемой ими газетой "Голос России" и напечатанными на многих языках книгами о советской России... Кто читал аккуратно и внимательно "Голос России" и все книги Солоневичей, тот не мог не увидеть во всей омерзительной наготке лицо большевизма, с такой жуткой силой изображаемое даже на полотне младшим Солоневичем. Ни до Солоневичей, ни в последнее время никто не изобразил так сильно, так захватывающе мучений нашего народа под большевистской пятой: они дали русскую эмиграции и всему миру яркую незабываемую картину подневольной советской жизни. Их прямое, грубое, но всегда и неизменно честное слово разбило в прах начавшую было господствовать в русских беженских умах фикцию о большевистской эволюции... Солоневичи своим огненным правдивым словом о России сумели пробудить и разжечь в наших беженских сердцах уснувшую любовь к нашей измученной, униженной, поруганной, кровью и грязью обрызганной, несчастной, но и в своем несчастье великой родине, заставил нас поверить в неиссякаемую мощь русской народной души. Солоневичи объединили разбросанные по всему свету чистые, неискупленные в политике "штабс-капитанские" души в жертвенной готовности служить своей родине до последней капли крови...

Наконец, смелое и безбоязненное исповедание своего монархического "кредо" заставило очень многих призадуматься над этим вопросом и изменить свое отрицательное отношение к этому вопросу.

Вот за что погибла на своем славном посту Тамара Владимировна!

Мы знаем — кому готовилась эта смерть... Дорогой, родной Иван Лукьянович! Господу было угодно сохранить твою жизнь... Вместо тебя Господь взял к Себе самого дорогого для тебя, самого близкого тебе человека, твоего верного друга и незаменимого помощника — твою супругу... Знаем, какая это трагедия для тебя утрата!.. Знаем и ясно представляем себе, какая зияющая члстота образовалась в твоём сердце с этой утратой... Мы все, в таком невиданном множестве собравшиеся сюда русские люди, пришли сказать тебе, что мы разделяем с тобою твою душевную скорбь, что искренно и глубоко сочувствуем твоему страшному горю... Но верь нам, что это и наше горе! Да не только наше: это общерусское горе... А разбросанные по всему земному шару твои верные друзья, твои "штабс-капитаны"?! Я мысленно представляю себе, как вострепнутся и трепетно за-бьются, какою горячей скорбью отзовутся все эти отдавшиеся тебе "штабс-капитанские" сердца, при получении известия о гибели твоей незабвенной супруги, твоего и их друга, Тамары Владимировны. Вот почему мы твердо ведем, что ты не только не растеряешься от этой страшной и ничем незаменимой для тебя потери, но, окруженный нашей любовью, нашим уважением и доверием к тебе, а также опираясь на преданность тебе разбросанных по всем частям света "штабс капитанских" душ, которые теперь еще плотнее, гранитною стеною, станут вокруг тебя, — ты с еще большей энергией будешь продолжать твоё великое и святое дело служения нашей страдальце-Родине.

("Голос России" № 85,
8 февраля 1938 г.)

Юрий Солоневич

О МОЕМ ДРУГЕ
НИКОЛАЕ МИХАЙЛОВЕ

Так трудно собраться с мыслями... Так трудно сказать что-то связанное, когда сам еще толком не понял, не поверил, не охватил случившегося...

Так сравнительно просто совладать со своими нервами, но так трудно удерживать мысли, которые бегают шушукаясь, перескакивая и сталкиваясь, как нити ключей проволоки, которую не проешь, не размотаешь...

**

Дым и пыль от взрыва еще не успели осесть. Я стоял на коленях, обхватив руками липкие от крови плечи Тамочки. Мы с Ваней только что перенесли ее к свету, на какую-то бесформенную кучу из обломков кровати и кирпичной обвалившейся стены. Она еще билась, тыкая в лицо голой костью оторванной руки. Кто-то кричал, что то еще обваливалось, но я ничего не слышал и не видел, потому что в голове у меня что то рвалось и лопалось, заглушая внешние впечатления.

Ваня был где-то рядом и только какие то резервные части мозга улавливали его присутствие. В содome взорвавшихся мыслей были ясны только две: — Бомба... Тамочка умирает... Остальных было не поймать, как не поймать осколков лопнувшей гранаты.

Вдруг в сознание блестящим лезвием врезалось что-то острое и повелительное. Я не сразу понял, что это. Сделал усилие, чтобы сообразить, и, наконец, увидел то, что давно видели глаза, но что не доходило до сознания. Из под пыли известки и кирпичей торчала какал-то серая жесткая щетка. Под ней была такая же серая, запыленная и бескровная человеческая кожа.

— Еще кто-то... — мелькнуло у меня. — Колька!.. и в голове сразу стало пусто, как будто черепная коробка не выдержала, и все куда-то вылетело...

**

Их было всего двадцать шесть, этих, так нелепо сложившихся, лет. Точно двадцать шесть, потому что он родился третьего февраля 1912-го года. Тонкий зигзаг его жизни, прыгавший в неизвестность ото дня ко дню, оборвался третьего февраля 1938-го.

Мало кто знал его историю. Он редко и мало говорил о себе, а когда говорил — это были отдельные эпизоды, не связанные ни хронологией, ни местом, ни персонажем. Его отец — русский полковник, прошедший японскую, мировую и гражданскую войны. Сам Коля прожил три четверти своей короткой жизни в Болгарии, здесь же учился, здесь же похоронил свою мать.

Это не много. Но это, если отбросить мелочи, все, что я о нем знаю.

Столько же знали о нем сотни русских и болгар, считавших его, как и я, своим другом или приятелем. Ибо оочновным достоинством Колошки Михайлова было то, что он не умел делать себе врагов. И если ему, говоря фигурально, никогда не приходилось иметь в кармане ста рублей, то друзей и приятелей у него было действительно сотни.

Людям импонирует любовь человека к своей родине. Уроженец какого-нибудь Гондураса, с любовью говорящий о своей прекрасной стране, вызывает больше впечатления, чем сын великого Альбиона, если ему на этот Альбион наплевать, и если ему ubi bene — ibi patria.

Коля был плохо устроен в этой жизни. И, несмотря ни на какие увещания, он и не пытался устроиться. Как-то раз, после долгого и залучившего разговора о его будущности, Колька внезапно замолчал, сел в уголок и стал кабандашиком что-то выщарапывать на папчосной коробке. Это были стихи, которые теперь вероятно погребены где-то под кирпичами и из которых я помню только две строчки:

"Я стальной цепочкой привязан
К сгоревшей моей конуре..."

Это мне влезало в память, как самое характерное, что можно было вообще сказать о Николае Михайлове. Что ему было искать, на ветру, в этом холодном и чужом мире, когда сгорела

АЛЕКСЕЙ РОСТОВ

НА РОДИНЕ

76. НОВОГОДНИЕ МАНЕВРЫ СОВЕТСКОЙ ДИПЛОМАТИИ И ВХОЖДЕНИЕ СССР В АФРО-АЗИАТСКИЙ СЕКРЕТАРИАТ. — НОВЫЕ ПЕРЕТАСОВКИ В РЯДАХ ПРАВЯЩЕЙ ШАЙКИ. — УКРАИНСКИЙ ЮБИЛЕЙ. — СТОЛИЧНЫЕ НОВИНКИ И КУРЬЕЗНАЯ ЛЕГЕНДА О ЕЛКЕ. — ВСПЫШКА НОВОЙ АНТИРЕЛИГИОЗНОЙ ПРОПАГАНДЫ. — ЗНАКОМЫЙ ФОТОГРАФ.

Новогодний банкет в Москве ознаменован любопытным тостом Хрущева. Обращаясь непосредственно к американскому послу Ллевелин-Томпсону, он провозгласил тост за двустороннее соглашение между Соед. Штатами и СССР, которое устранил всякую угрозу войны. При этом он чокнулся бокалом с послом и его супругой.

Ллевелин-Томпсон показал себя превосходным дипломатом уже в должности первого советника в Риме, где удачно содействовал мирному разрешению Триестинской проблемы без всякого участия СССР, оставив в дураках незадачливого посла М. А. Костылева, а затем на посту посла в Вене сумел нанести серьезный и сильный удар по советским попыткам закрепиться в Австрии после конца ее военной оккупации. Ллевелин-Томпсон всегда прислушивался к мнению русских эмигрантов, что его сделало большим знатоком сильных и слабых сторон большевизма. Этот тост он несомненно расценил, как попытку (при том неуклюжую) оторвать Соед. Штаты от прочих Атлантических союзников.

В тот же день советские летчики на «албанских» самолетах типа МИГ-15 заставили снизиться в Албании британский самолет, везший сменные части для британской авиации в Сингапур из британской базы в Дюссельдорфе. Самолет только что вылетел из Бриндизи, как эти МИГ-15 заставили его сделать посадку в Албании. Подобный эпизод показал, насколько советская

его конура, конура, которой он и почитать то как следует не успел и которую он, быть может, именно поэтому любил больше, чем мы, чем я, например, выдавший все ее черные стороны.

Как то, около полутора года тому назад, из глубокой болгарской провинции, мы получили в редакцию стихи, посвященные «Голосу России». Они не были ни особенно восторженными, ни особенно лирическими, но простыми и честными, и Тамочка пустила их в 22 номере. Потом, месяца через два, кто то из наших знакомых привел к нам как то вечером простого и милого русского парнишку, с волосами, зачесанными назад, и немножко тоскливыми серыми глазами. Еще через несколько времени он стал первым и единственным штатным сотрудником редакции.

В то время я учился в Вене и знал о нем только по письмам наших. Когда я вернулся, он получил мою дружбу сразу же, с первого дня, с первых же слов, когда он хмурым баском спросил меня, не привез ли я случайно венских папирос. С тех пор наши папиросы, наши финансы и наши мысли стали общими, и мы стали расставаться с ним только на ночь, и то только тогда, когда ему было куда идти. Если ему куда было идти — он оставался ночевать в редакции, и будил меня по утрам, вставая мне в губы папироску...

У него, в качестве движимого имущества, кроме трех тетрадок стихов, был один талисман: маленький черный слоник, неизвестно кем и когда ему подаренный. Слоник, приносивший счастье.

Как то, уже после Рождества в этом году, он принес его к нам и поставил у Тамочки на ночном столике.

— Тут ему будет сигурнее! — сказал он, шутливо мешая болгарский с русским.

Позавчера,ковыряясь щепкой, отколовшейся от двери, в обломках, я нашёл этого слоника. Он был цел и невредим. Но на его черном полкованном боку прилипла клякса из человеческого мозга...

Боже, как трудно говорить о человеке, который бы я твоим другом... Спи Колушка!..

(«Голос России» № 85
8 февраля 1938 г.)

авиация чувствует себя хозяином Адриатики и презирает Великобританию. Любопытно, что при первой попытке британских дипломатов запросить по телефону Тирану (Албания отказалась вести переговоры с представляющим британские интересы в Тиране французским послом Беккером, ибо с 1946 г. Великобритания прервала сношения с Албанией после потопления на албанских минах в заливе Корфу двух британских эскадренных миноносцев) английское посольство в Белграде получило ответ, что Тиранская телефонная станция просит говорить по-русски, ибо переговоры с Албанией по телефону из-за границы можно вести лишь по-албански или по-русски.

Инцидент разрешился мирно, ибо англичане трусят при мысли о конфликте с Албанией после позорного для них финала Суэцкого конфликта; но этот эпизод показал активность советской авиации в стратегически важном районе Адриатики и тем убедил итальянское общественное мнение в необходимости оборудования в Италии баз, снабженных предложенными американцами новыми видами дальнобойного оружия. Смешно говорить о безопасности страны, находящейся уже сейчас под угрозой прямого обстрела со стороны советских баз в Албании. Советские самолеты через полчаса после начала войны могут начать бомбежку итальянской территории, а подводные лодки сразу же напасть на все ее адриатические порты.

«Миролюбие» СССР вызвано лишь страхом перед собственным народом и это толкает его на новые маневры. Большое значение придать отставке советского посла в Вашингтоне кандидата ЦК Георгия Николаевича Зарубина, замененного типичным бюрократом микояновской школы б. послом в Индии Михаилом Александровичем Меншиковым (тоже кандидатом ЦК). Последний долгие годы работал в наркомате — министерстве внешней торговли и в 1949 г. сменил А. И. Микояна на посту министра внешней торговли, который занимал до смерти Сталина, а затем был назначен послом в Индию. Он состоит в партии с 1931 г. и сумел понравиться всем гостившим в Индии фигурам, начиная с министров здравоохранения М. Д. Ковригиной и культуры — Н. А. Михайлова, продолжая Хрущевым, Булганиным и Серовым и кончая незадачливым маршалом Жукотым. Теперь ему предстоит подготовить почву для новых маневров СССР в Вашингтоне, используя свой опыт в области внешней торговли и приобретенные в последние годы связи с дипломатами Неру, проводниками «нейтрализма»!

Нельзя отрицать, что Каирская конференция оказалась победой СССР. Этому способствовал ряд факторов: умение советских дипломатов разговаривать с азиатами и неграми, как с равными («нет для нас ни черных, ни цветных») и посылака главой советской делегации председателя президиума Верховного Совета Узбекистана и кандидата ЦК Шарифа Заридовича Рашидова; страстное стремление Англии и Франции продолжать пережившую себя политику колониализма, их высокомерие к мусульманам и подчеркнутые симпатии к Израилю, половинчатая политика Соед. Штатов и явное покровительство тому же Израилю, при провозглашенной «доктрине» Айтзенхауэра и твердое сознание арабов, что без них Европе на Востоке не обойтись!

Исторической ошибкой Франции было использование в Первой Мировой войне цветных войск против Германии, что показало им, как оружием можно быть европейцев. Лишив Германию в 1919 г. и Италию в 1947 г. всех колоний, Франция и Англия присвоили себе печальную привилегию быть единственными порабощателями цветных народов, к тому же верными союзниками Израиля! Неудивительно, что советская диплома-

тия успешно возбуждает против них далекие от коммунизма народы и правительства Азии и Африки. На Конференции советская делегация посоветовала всем странам конфисковать все капиталы западноевропейских предприятий и национализировать все их имущества, остроумно заметив, что большевики это проделали в России и теперь перед ними западные правительства только заискивают. Египетские делегаты внесли более умеренную формулу — «конфискации с возмещением некоторой доли убытков» и эта формула получила большинство. Затем Рашидов предложил осудить доктрину Айтзенхауэра: ливанцы и суданцы ответили, что это лучше сделать в более общей формуле, не называя имени президента; но прошло советское предложение. Зато Либерея добилась того, чтобы в другой резолюции было отмечено, что американское правительство борется в своем законодательстве против расизма, что прошло, несмотря на сопротивление СССР. Рашидову пришлось выслушать несколько неприятных деклараций. Так делегат Судана согласился принять «бескорыстную» помощь СССР при условии, что ни один коммунист туда не появится, что равносильно отказу: не будет же СССР посылать лишь беспартийных инженеров, техников, врачей для технической помощи Султану. Делегат Сомали с гордостью заявил, что в его религиозной стране не существует компартии, чего не мог бы сказать ни один из европейцев! Победой СССР явилось включение ее представителя в Постоянный Афро-Азиатский Комитет в Каире, состоящий из 70 членов. Председателем на два года выбран египтянин, членами делегаты СССР. Японии, Индии, Красного Китая, Индонезии, Сирии, Ирака, Судана, Камеруна и Ганы.

Это учреждение получило в резолюции название секретариата и будет ареной борьбы между сторонниками большевизации обоих континентов: СССР, Китаем, Индонезией и, пожалуй, в данный момент, Сирией, и противниками большевизма: Ираком, Японией, Суданом, Ганой. Колеблущуюся и потому решающую позицию займут Египет, Индия и Камерун.

Но независимо от всяких прогнозов самый факт включения СССР в этот каирский «Секретариат» является крупной победой советской дипломатии.

Интересно ознакомиться читателю с фигурой Рашидова, о котором зря молчит европейская печать: Шариф Заридович родился в 1917 г. и является, подобно своему земляку Мухитдинову, одним из самых молодых конжаков коммунизма: в 1936 году он окончил педагогический техникум и, работая учителем, учился одновременно на филологическом факультете, который окончил весной 1941 г. накануне войны. Еще студентом он вступил в партию в 1939 г. Призванный в армию ранен в 1942 г. в скромном чине ротного политрука и демобилизован; стал директором школы, а в 1943 г. инструктором ЦК Узбекистана по кадрам. В 1947 г. впервые получает крупный пост редактора органа ЦК — «Кзыл Узбекистан». В апреле 1950 г. избран на занимаемый им сейчас пост председателя президиума Верховного Совета Узбекинии и на 20-ом съезде избран кандидатом ЦК. Это второй узбек, сыгравший видную роль в советской политике и поднявший престиж СССР в глазах народов Азии, позабывших о казни в 1938 г. вождей узбекских коммунистов Файзуллы Ходжаева и Акмалы Икрамова. Никто в СССР и сейчас от этого не гарантирован, но пока эти узбеки горды своей карьерой и являются козырем СССР среди азиатов!

Праздничная пора ознаменовалась новыми перетасовками в правящих кругах: в прошлой статье я упомянул о назначении председателем Совета Министров РСФСР Ф. Р. Козлова и секретарями ЦК трех членов президиума ЦК: Н. А. Мухитдинова, Н. Г. Игнатова и

А. И. Кириченко. Теперь выяснилось, что с их переездом из Ленинграда, Ташкента, Горького и Киева на постоянную работу в ЦК понадобилось их заменить на оставляемых ими постах. Поэтому в Ленинграде на место Козлова первым секретером Обкома стал прежний второй секретарь Иван Васильевич Спиридонов (в партии с 1928 г.), а его место занял прежний третий секретарь молодой Алексей Иванович Попов (в партии с 1940 г.)

Ввиду того, что Спиридонов совмещал свой пост с местом первого секретаря Горькома, на эту должность сейчас вместо него выбран прежний третий секретарь Горькома еще более молодой Ник. Ник. Родионов (в партии с 1944 г.).

Все эти «выборы» произвел Козлов, который накануне отъезда в Москву созвал объединенный пленум Обкома и Горькома и предложил «выбрать» по его указке всех вышеперечисленных его сотрудников по работе на берегах Невы.

То же произошло и в Горьком, где Игнатов, прощаясь с сослуживцами, предложил на покидаемый им пост председателя Горьковского Совнархоза бывшего министра ликвидированного прошлым летом министерства машиностроения СССР Николая Васильевича Смелякова.

В Ташкенте таким же путем отъезжающий в Москву Мухитдинов предложил заменить себя председателем совета министров Сабиром Камаловичем Камаловым (в партии с 1934 года). В бюро ЦК выбраны также секретари областкомов: самаркандского — Алимов, Ташкентского — Гуламов, Ферганского — Гамбаров, что несколько «демократизирует» или вернее разжижает правящую узбекскую олигархию, которой теперь будет заправлять ставленник ЦК второй секретарь Ром. Ефим. Мельников (в партии с 1928 г.).

ПОЛКОВНИК А. И. ИЕВРЕИНОВ

5 января с. г. в 17 час., после долгой болезни легких, скончался полковник Лейб-Гвардии Егерского полка Андрей Иванович Иевреинов.

Покойный окончил Александровский кадетский корпус в С.-Петербурге, затем Александровское Военное Училище в Москве, откуда в 1903 году был выпущен в Лейб-Гвардии Егерский полк, где и прослужил в строю до чина полковника, и одно время командовал родным полком.

В Первую Великую войну в рядах полка был тяжело ранен, но вернулся в строй. В период всероссийского развала и ликвидации фронта возвращается в Петербург и отсюда, рискуя своей жизнью, с двумя другими офицерами отправляется в г. Тобольск, чтобы организовать спасение своего Государя и Его Августейшей семьи. Но его пребывание там вскоре обращает на себя внимание местных коммунистических властей и ему приходится покинуть Тобольск.

В конце 1918 г. вместе с ген. Юденичем переходит финляндскую границу и, состоя в движении ген. Юденича, ведет патриотическую работу. Затем, является одним из основателей монархического движения и многие годы ведет работу по восстановлению Национальной России.

Во время Второй Мировой войны переезжает в Германию, затем, в Вену.

При приближении красного фронта переселяется в Тироль, откуда эвакуируется и 26 октября 1948 г. прибывает в Буэнос Айрес.

В Аргентине ведет скромную жизнь труженика, состоя одновременно членом Ревизионной Комиссии Союза Русских Военных Инвалидов.

Материальные лишения, тяжелые условия жизни и местный климат тяжело отразились на его здоровье и сократили его жизнь. Ушел от нас еще один труженик и убежденный монархист. Царствие ему небесное. Да будет ему легка аргентинская земля!

Однополчанин

Лейб-Егеря сообщают, что 13 февраля с. г. в сороковой день кончины полковника Л.-Гв. Егерского полка

АНДРЕЯ ИВАНОВИЧА ИЕВРЕИНОВА

в Храме Св. Владимира (Сан Мартин, 344, Вижа Бажестер) в 18.30 часов бедет отслужена

ПАНИХИДА

На Украине все перестановки произвел лично Хрущев, приехавший на празднование 40-летия провозглашения советской власти на Украине. 26-го декабря на место Кириченко избран прежний второй секретарь Украинского ЦК Николай Викторович Подгорный (в партии с 1930 г.), на его же место попал кандидат ЦК КПСС и 6. секретарь обкомов: в Кировограде в 1953-55 г.г. и Одессе в 1955-57 г.г. Леонтий Иванович Найдек (род. в 1907 г., коммунист с 1929 г.). В президиум ЦК попал секретарь Днепрпетровского Обкома Антон Иванович Гаевой (род. в 1907 г., в партии с 1930 г.). Все они типичные хрущевские ставленники, угодившие ему за долгие годы управления Украиной.

Остается еще отметить, что ввиду перегрузки Е. А. Фурцевой работой в ЦК она оставила руководство московской парторганизацией, которое перешло к бывшему министру оборонной промышленности и члену ЦК генерал-полковнику военно-технической службы Дм. Фед. Устинову.

Зато, что-то стряслось в Казахстане о чем еще рано гадать. Туда экстренно назначен руководить партийной организацией секретарь ЦК и ближайший хрущевский ктветр Ник. Ильич Беляев, сместивший по приезде первого секретаря И. Д. Яковлева и второго Н.И. Журнина. Место первого он взял себе, а на место Журнина поставил казах Фазуля Карибжанова, бывшего ранее третьим секретарем ЦК. Неясно — останется ли сам Беляев секретарем ЦК КПСС, если будет проживать в далекой Алма-Ате?

Эти партийные перетасовки сопровождаются и перетряской среди министров при мании Хрущева каждый месяц перекраивать структуру совета министров.

Так, упразднены вдруг министерства оборонной промышленности, авиационной промышленности, судостроительной и радиотехнической промышленности с учреждением вместо них 4-х Государственных Комитетов при Совете Министров СССР: по оборонной технике, по авиационной технике, по радиотехнике и по судостроению. При этом министр судостроительной промышленности Релькин исчез и во главе комитета поставлен его заместитель Борис Евстафьевич Бутон, а прочие министры — П. В. Дементьев и В. Д. Калмыков назначены председателями своих преобразованных ведомств — авиационной и радиотехники; министр оборонной промышленности Устинов перешел на партерную работу и заменил Фурцеву, во главе же комитета по оборонной технике видим его прежнего заместителя Александра Васильевича Домрачева. Смысл этих перемещений неясен: в большинстве сохраняется тот же аппарат и только меняется название!

24-го декабря в присутствии Н. С. Хрущева состоялась в Киеве торжественная юбилейная сессия Верховного Совета Украины. По случаю 40-летия со дня открытия в Харькове Съезда советских провозгласившего Украинскую республику, которую Троцкий в переговорах в Брест-Литовске противопоставлял Украинской Раде. По этому случаю произнесли речи А. И. Кириченко и Н. С. Хрущев, воспевавшие благоденствие большевизма на Украине. Кириченко сразу же заявил: "нам особенно приятно, что на празднике украинского народа присутствует товарищ Никита Сергеевич Хрущев, который на протяжении многих лет возглавлял ЦК КП Украины. непосредственно личной деятельностью вложил много труда в развитие экономики и культуры Украины" (бурные аплодисменты). Это место его речи будущий историк отметит, как первое публичное появление "культ личности" самого жестокого палача украинского крестьянства и своих на Украине однопартийцев: Коссиора, Постышева, Хатаевича, Балчицкого, Затонского и др., ставшего ныне всероссийским диктатором. Кириченко же дал формулировку в отношении Сталина. Подтверждающую мои о нем слова в предыдущей статье при характеристике последней фазы десталинизации: "партия подвергла критике ошибки, связанные с культом личности Сталина и настойчиво ликвидирует последствия этой ошибки. В то же время, как говорил тов. Н. С. Хрущев на юбилейной сессии Верховного Совета СССР, критикуя неправильные стороны деятельности И. В. Сталина, партия боролась и будет бороться со всеми, кто будет клеветать на И. В. Сталина, кто под

видом критики культа личности неправильно, извращенно изображает весь исторический период деятельности партии, когда во главе Центрального Комитета стоял И. В. Сталин" (продолжительные аплодисменты).

Таким образом, положен по существу конец десталинизации: можно пережевывать выдвинутые Хрущевым против Сталина обвинения, можно упрекать его за то, что он не слушал "мудрых стратегических советов" Хрущева, что слушал Берия и Маленкова больше, чем жалкого в то время Хрущева, что считал Кагановича куда умнее его или Ворошилова, что Молотов был у него выше Булганина; но на этом надо остановиться, ибо всякое другое обвинение Сталина будет объявлено клеветой и автор его подвергнется той травле, которая постигла писателя Дудинцева и которой не избежит в скором будущем Пастернак за свой запрещенный и опубликованный роман "Доктор Живаго", с которым я вскоре ознакомлю читателей. Подобная бестолковая политика при продолжающейся нехватке продуктов питания и предметов широкого потребления только усиливает недовольство населения, несмотря на мелкие подачки власти, как отмену с 1-го января с.г. налога на холостяков, одиноких и малосемейных рабочих и служащих и на одиноких женщин, не имеющих детей. При этом объявлено об "изменении политики снижения цен". Наряду с обещанными снижениями цен на некоторые продукты питания повышаются цены на водку, ликеры, настойки, фотоаппараты, автомобили и телевизоры, ибо этим с одной стороны якобы ведется борьба против алкоголизма (существование которого в СССР упорно отрицалось), а с другой стороны облагаются своеобразными налогами в форме повышения цен более зажиточные слои населения, пользующиеся собственными автомашинами, телевизорами и фотоаппаратами, которые на 41-ый год хозяйничанья большевиков оказались предметами роскоши.

Старым москвичам будет интересно узнать о создании 4-х широких проспектов, являющихся по существу важными с военной точки зрения автострадами, позволяющими в любой момент перебросить через разные районы столицы танковые части на случай не только войны, но и народного восстания, поддержанными отдельными частями гарнизона. Слухи о восстании одной воинской части под Берлином позволяют считать такие восстания возможными.

Ленинский проспект ведет от Внуковского аэропорта по участку автострады Москва-Киев, затем по большой Калужской улице до Калужской заставы. Длина проспекта — 7 километров. По нему расположены здания Президиума Академии Наук, Горного и Нефтяного Институты и Института Связи. Проспект Мира тянется на протяжении 8 км. с юга на север от Колхозной площади по Первой Мещанской к Всеобщей Сельскохозяйственной выставке по прежнему Ярославскому шоссе. Ленинградский проспект начинается у Белорусского вокзала и идет на север-запад вдоль стадиона "Динамо", Стадиона юных пионеров, бассейна Мин. обороны и бассейна "Динамо", где тренируются в плавании чекисты и войска Ком. Гос. Безопасности. Кутузовский проспект начинается от Судогово кольца и через Ново-Арбатский мост идет по Можайскому шоссе, Кутузовской слобочке и авто-страде Москва-Минск до Филей; там он заканчивается у "Кутузовской Избы", где происходил в 1812 г. исторический военный совет. Тут предполагается теперь соорудить панораму Бородинского сражения, которой скорей было бы место в самом Бородине, чем в Филах; но здесь имеют, конечно, в виду удобства для всяких иностранных туристов и делегаций.

В форму скверного советского анекдота вылилось в этом году устройство в Москве новогодних елок. Прежде всего детям объясняют, что елка была древним языческим праздником славян, которые срубали елки в лесах и украшали ими жилища, чтоб отпраздновать поворот от холодной зимы к весне с началом полевых работ. Однако, "злые попы" приспособили этот праздник к религии и сделали его праздником для детей богатых семей. Но Ленин якобы сделал елку всенародным праздником. В Колонном Доме Союзов устроили для детей такой спектакль: в лесу у костра сидят дети. Проходят мимо ра-

Н. Кусаков

ЦЕРКОВЬ И РЕВОЛЮЦИЯ

К Сорокалетию мученической кончины Киевского митрополита Владимира

Сорок лет красного террора! Сорок лет кровопролития! Сорок лет открытого гонения на Святую Церковь Христову!

В этом году, в пятницу недели о мытаре и фарисее, 25-го января по юлианскому, 7-го февраля по григорианскому календарю, исполняется сорок лет с того дня, который следует считать днем начала открытого, кровавого гонения на Церковь в России. В 1918-м году, в ночь под этот день, в Киеве, близ стен колыбели русской Православной Христианской культуры — Успенской Киево-Печерской Лавры, большевики убили Высокопреосвященнейшего Владимира, Митрополита Киевского и Галицкого.

Это зверское убийство было первым и важнейшим деянием большевиков по занятии ими Киева, и совершенно оно было одним из большевистских военных отрядов, представлявших новую власть.

В конце 1917 г. митр. Владимир находился в Москве, участвуя в деяниях Поместного Собора. В Киеве же в это время началось образование, так называемой, Украинской Автокефальной Церкви и встревоженные действиями самочинного собрания Церковной Рады киевские приходы просили владыку вернуться в Киев.

Церковная Рада, руководимая протонереями Шараевским и Липковским, (они позднее друг друга "возвели" в архиерейский сан, сделав это без епископа), при участии других священников и мирян из украинцев, порвавших связь с православным духовным наследством своего народа, дышала, так называемыми, сепаратистскими настроениями. В лице киевского святителя они видели теперь "поверженного льва", "льва в старости". Церковная Украинская Рада требовала недопущения митрополита Владимира в Киев, характеризуя его дерзкими эпитетами. Декабрь и начало января прошли для владыки в атмосфере дерзкой и грубой травли со

стороны представителей Украинской Церковной Рады. Они врвались к святителю днем и ночью, требуя то немедленного его выезда, то принятия сана патриарха "Всея Украины", то... денег. Тяжкие эти дни сменились ужасом прихода большевиков.

В середине января 1918 г., после боев, Киев оказался в руках большевиков. Вооруженные красноармейцы врвались в храмы в шапках, курили в храмах, делая там обыски даже во время богослужений, ругались и кощунствовали.

В ночь под 25 января, пять большевиков в солдатских шинелях под предводительством одного матроса вошли в покои митрополита. Они подвергли престарелого святителя издевательствам, потом вывели его за стены Лавры.

Люди видели. Митрополит попросил у своих убийц разрешения помолиться Богу, на что последовал ответ: "Только поскорей". Воздев руки к небу, Владыка молился вслух:

"Господи, прости мои согрешения вольные и невольные и прими дух мой с миром!"

Потом благословил крестообразно обеими руками своих убийц и сказал: "Господь вас да простит".

Это были его последние слова. Прогремели выстрелы... Обезумевшие от революционного угара негодяи убили митрополита выстрелами из винтовок и штыковыми ударами. Это было зверское убийство.

Монахи благоговейно погребли тело священномученика и похороны сопровождалась плачем верующих и кощунственными выкриками изуверов большевиков.

Памяти убиенного митр. Владимира было посвящено особое заседание Собора в Москве при участии Патриарха Тихона и всего духовенства Москвы. Поместный Собор обратился ко всей Русской Церкви с Посланием, и панихиды о упокоении митр. Владимира и

бочий, потом солдат, за ним матрос, чаконец, одетый в тулуп крестьянин. Все они говорят детям, что идут в Горки, где живет под Москвой Ленин, чтоб поздравить его с Новым Годом. Тогда дети решают, что они тоже пойдут его поздравить, но не знают дороги. Внезапно выходит из леса охотник с ружьем и они просят его показать им дорогу к "родному" Ленину. Он рисует детям план леса с тропинкой, которая приведет их к Ленину, и оставляет им этот маленький план. Разглядев его после ухода охотника, дети замечают, что он подписался под чертежом: "В Ульянов (Ленин)", как Ленин подписывал декреты. Дети понимают, что это был сам Ленин, который их так позвал в гости. Придя к нему, они находят прекрасную елку с подарками и Ленин говорит им, что он завещает детям всегда устраивать на Новый Год большие елки до самого потолка! У обманутых детей создается впечатление, что обычно устраивать елки пошел не от каких-то забытых славянских предков, а от доброго дедушки Ленина, который первым позаботился об устройстве елок для русских детей. Между тем Ленин был ярым врагом елок и прикрывал свою ненависть к христианскому обычаю наших предков заботой о сохранении лесов, которые якобы редели от вырубания молодых елочек. Сколько штрафов платили бедные крестьяне, привозившие в ленинскую эпоху елки на продажу в наши города. Обычай восстановлен был в 1935 г. по почину секретаря Украинского ЦК П. П. Постышева, предложившего приурочить елку к Новому Году, чтоб заставить население и особенно подрастающее поколение забыть о христианском празднике Рождества Христова.

Интересно отметить, что сейчас наблюдается новое оживление антирелигиозной пропаганды, на которую покорному партии советскому духовенству запрещено реагировать. Одним из признаков оживления антирелигиозной пропаганды является выпуск к Рождеству целого ряда антирелигиозных изданий, среди которых на первом месте стоит богохульная книга умершего в декабре

1944 г. ярого гонителя христианства Емельяна Ярославского (Губельмана): "О религии"; эта книга в 640 страниц переиздана теперь с тиражом в 75.000 экземпляров и будет включена во всякие курсы политехники и кружки политехничков, а также навязываться молодежи. Так Хрущев вытаскивал богохульную книжку, которую в годы войны припрятали, а теперь нашли своевременным переиздать массовым изданием. Одновременно выпущена книга двух известных "антирелигиозников" М. М. Розенталя и Г. М. Штракса "Категории материалистической диалектики" в 292 стр. с тиражом в 50 тыс. экз., затем "Современный субъективный идеализм" (сборник критических статей), изд. Академии Наук — 30 тыс. экз. "Диалектический материализм и современное естествознание", 424 стр. Госполитиздат — 15 тыс. экз. Вся эта серия антирелигиозных книг выпущена как раз к нашему празднику Рождества Христова, словно праздничный подарок советских органов пропаганды, возглавляемых членом ЦК Марком Борисовичем Митиным.

Кто в нашем старом Императорском Петербурге еще до Первой Мировой войны в дни своей молодости не снимался у лучшего в те годы фотографа П. А. Оцупа? Всем нам интересно узнать, что этот прекрасный фотограф старой России не только жив, но и продолжает работать, переехав после революции в Москву. 26-го декабря он праздновал двойной юбилей: ему минуло 75 лет и исполнилось 60 лет с того дня, когда он в 1897 г. еще подростком начал свою работу фотографа. По этому случаю в трех залах Дома журналистов открыта выставка его снимков: "Страницы истории". Маститый фотограф остался беспартийным и поэтому мы — его завязанные клиенты былых лет, — пошлем ему наш привет, который до него не дойдет. Живо остались в нашей памяти его снимки особ Императорской Фамилии и прекрасный портрет славного деятеля последнего царствования П. А. Столыпина.

Алексей Ростов

всех погибших во время гонений были совершены во всех городах России, куда только дошло Послание. День мученической кончины митр. Владимира (25 января ст. ст.) был Собором установлен для ежегодного поминовения русских мучеников и исповедников.

На месте убийства митр. Владимира большевики поставили небольшой памятник. Это был серый камень. Он не бросался в глаза и, вероятно, даже многие из киевлян не знали о нем. На камне была надпись, в которой память митрополита подвергалась кощунственному поруганию и в которой говорилось о казни, совершенной над ними героями революции. (О памятнике свидетельствуем со слов монахов Китаевской пустыни о иеромонаха Михаила Любимова и о игумена Иоанна Смургина. Они в последний раз были в Киеве в апреле 1934 г.).

Если бы не было этого памятника, то убийство митрополита можно было бы приписать выходке вышедших из повиновения фронтовиков, считать его одним из случайных прискорбных эпизодов, неизбежно связанных с эпохальными событиями революции, которая сама по себе, дескать, имеет высочайшее моральное значение. Но этот серый памятник есть свидетельство того, что большевистская власть приняла это убийство на себя. Она подписала под тем, что убийство совершено властью большевистской революции, а не бандой проходивцев, что это было убийство, совершенное по заранее отданному приказу штаба революции.

Вечная память священномученику митрополиту Владимиру!

В этот день хотелось бы сказать много добрых слов памяти мученически преставившегося архипастыря, когда-то известного всей верующей России и чтимого ею; известного также и врагам России и люто ненавидимого ими. Он был светильник, горевший духовной жизнью, горячий стоятель за Истину Св. Церкви и мощный борец против революционного зла. Но наше внимание отвлекается к иному, и хотя мы об ином станем говорить, вменим в обязанность читателю узнать о светлой личности покойного священномученика из иных источников, отражающих его лучше чем наша передача.

Убийство Киевского митрополита Владимира является первым, открывшим эпоху зверских, кровавых и разрушительных гонений на Церковь в порабощенной большевиками России. Только слепцы, глупцы и злодеи сегодня не знают об этих гонениях, в которых погибли сотни тысяч высоко нравственных и доблестных людей, при которых подверглось разрушению бесчисленное количество культурных, национальных, художественных и исторических памятников России. Пусть хоть это тронуло бы те каменные сердца, что не содрогнулись, услышав о первом кощунственном прикосновении большевистской руки к Христовой Святыне в России. Но нет. Те, что могут торговать с людоедами, не страшатся и дружбу водить с явными врагами Христовыми. Оставим это на их совести, если она у них есть.

Большевистские гонения на Церковь продолжаются и поныне, и невольно возникает вопрос: в чем дело? Почему гонения на Церковь являются непременным органическим элементом революции? Еще на заре революционной волны, впоследствии покрывшей весь мир, Вольтер, говоря о Церкви, озлобленно восклицал: «Раздавить негодичью!» Уничтожения Церкви требовал Маркс.

Почему Церковь Христова служит им такою помехой, хотя бы они и провозглашали, что, мол, религиозные убеждения есть личное дело каждого?

В течение ряда лет большевики объясняли свою антицерковную деятельность тем, что Церковь, мол, тесно связана с Царским режимом, от которого она, де, пользовалась привилегиями; что, де, Церковь заинтересована в реставрации монархии и капитализма и, одним словом, — Церковь контрреволюционна. Гонения на Церковь шли все время под прикрытием ширмы борьбы с контрреволюцией. Духовенство и верующие миряне «оправдывались», со своей стороны пытаясь заявлять, что они не причастны ни к каким актам, ведущим к свержению Советской власти и что, таким образом, обвинения в контрреволюции безосновательны.

На поверхности дело так и обстояло. Все без исключения приговоры против людей, схваченных большевиками по связи с жизнью Церкви, формально основаны на Советском Уголовном кодексе; всем лицам, осуждаемым по делам, относящимся к Церкви вменяется контрреволюция, — разные параграфы ст. 58. Хотя духовенство и миряне и правы в том смысле, что никто из них не совершал контрреволюционных актов, однако, никто из них не имел кристально чистой революционной репутации. В глазах большевиков это равноценно репутации контрреволюционной. За составом дела остановки там не бывает.

Никому из осужденных по церковным делам формально не вменялись в вину ни сан, ни религиозные убеждения. Но такова была лишь формальная поверхность, и горе тому, кто за нею не желает проследить вглубь, до сути. Эту суть большевики отлично знают.

Святая Христова Церковь, действительно, есть самая контрреволюционная организация. Она есть столп и утверждение той истины, на испровержение которой направлена революция. В этом лежит непреодолимое противоречие, и мира между Церковью и революцией быть не может. Мир между ними возможен только в том случае, если одна из двух, сохраняя внешний облик, перестанет быть сама собою. Пример: Советская церковь, не смеющая делать того, к чему она призвана по сути своего служения, занятая делами, не имеющими прямого отношения к делу Церкви и всемерно поддерживающая государственную власть разрушителей Церкви.

Русская Церковь боролась с революцией до 1917 г. отнюдь не потому, что она занесивала перед императорским правительством. (С последним у русской Церкви отношения были гораздо сложнее, чем то было на виду. Эта сложность вызывала тяжкие страдания и недугования Церкви. Годы царствования Государя Николая Александровича давали надежду изжить эти недуги, но события повернули по иному пути).

Церковь боролась с революцией не ради страха потерять свои привилегии, но исключительно утверждая Истину Христову против лжи человеческих революционных измышлений, пагубных и полных ненависти; охраняя народ и страну от революционного зла. В 1905 году лично митрополит Владимир, в Москве, своими беседами против социализма в храмах и на фабриках, нанес революцию тяжкий урон (этого большевики ему не простили). В 1912 г. во время Миссионерского съезда в Киеве со стороны Церкви был сделан глубокий анализ внутренней лжности, скрытой в революционном триптихе о «свободе, равенстве и братстве», и было выяснено истинное значение этих принципов в вере, надежде и любви, значение, в корне отрицающее революцию. Церковь устами своих проповедников постоянно утверждала русский народ в верности Вере, Царю и Отечеству.

Первые удары большевистского антирелигиозного террора были направлены по борцам против революции, наиболее активно проявившим себя раньше. Митр. Владимир, прот. Ф. Орнатский, прот. В. Восторгов. До многих тогда еще короткие руки большевиков не могли дотянуться. Если бы большевики могли, то они немедленно же после своего прихода к власти распорядились бы судьбою духовенства, как Гитлер распорядился судьбою евреев в занятых его армией областях России. Не будучи в состоянии сделать это сразу, они растянули свое злодейство на долгие годы, но совершили они его с еще большей последовательностью.

После 1917 г. Церковь боролась против революции самым своим бытием, проповедью верности Христу Спасителю, своей явной русской патристической фопмой. Само бытие Церкви является контрреволюционным актом! Актом, направленным на свержение власти большевиков-коммунистов. Не все верующие давали себе отчет в том, что оборонительная позиция Церкви равна наступательной, ибо она сохраняет импульс наступления. Было немало духовных лиц, которые часто вполне искренне полагали, что Церковь не идет против Советской власти. В этом были хорошие и плохие импульсы: одни как бы смирялись с Советской властью, понимая ее, как наказание Божие другие — поосто по неведению и наивности; были и такие, кто в попытке при-

мирения искали личных выгод. И как не упомянуть о тех, кто откровенно и героически держался полного непримирения.

В 1922 г. нашлась группа духовенства, открыто ставшая на сторону большевиков («обновленцы»). Они заслужили осуждение Церкви и презрение народа. В тщетной попытке утишить гонения, еще патр. Тихон пытался примирить новую власть с Церковью. Но какие бы формулы ни произносились со стороны Православной Церкви, Церковь это было — «Мы», а большевистская власть — «Они». От гонений укрылась только «обновленцы», да продажные единички, «не за страх, а за совесть» принявшие формулы неуклюжей, скользкой и пагубной «дипломатии» митрополита Сергия, в конце концов приведшей к капитуляции — к «советской Церкви».

Принадлежа к Церкви Христовой, будучи честными русскими людьми, духовенство и верующие, конечно, были антисоветским элементом, но никто из них не исполнял никаких контрреволюционных актов, кроме одного: исповедания Истины Христовой. За это их и преследовали, за это их и уничтожали.

Большевизм соглашается примириться с любыми видами до-революционных привилегий. Ни бывшее богатство, ни титулы, ни общественное положение не являются препятствиями к советской карьере. Миллионер фон Вогау превратился в советского писателя Бориса Пильняка, история графа Толстого и графа Игнатъева общеизвестна; известна и судьба бывшего богатого белопокладочника, аристократа Михалкова. Отец с семьей фактически бежал из Москвы, уходя от преследований за свое дореволюционное прошлое. Сын в Москву вернулся и стяжал себе славу Советского трубадура, корифея писателя. Академик химик А. А. Бойков, не успевший попасть на последние корабли, с которыми уходила Белая армия, в 1920 г. был контрреволюционером, чтобы позднее вполне примириться с большевиками и умереть в «Ленинграде» с большевистским орденом на груди. Список можно бы, к сожалению, еще продолжить многими именами.

Единственным непреходимым порогом между русским человеком и большевизмом является исповедание Христа Спасителя. Если вы атеист, то вы можете пробить себе дорогу в Советском обществе. Если вы веруете, то в атмосфере тайноверия вы можете, если не прожить, то все же прозябать, пока тайное не станет явным. Если вы — явно верующий, если вы не отступите от Христа — ваше место в концлагере. И это все совершенно помимо каких бы то ни было прямых действий или же слов, направленных к критике или к испровержению большевистского строя именуемого строем республики рабочих и крестьян, при полном отсутствии таких деяний, притом, что вы вполне приобретете красную окраску во внешних действиях. Если вы веруете, то вы враг Советской власти.

Революция и ее крайнее проявление — большевизм борется против Церкви не по внешним причинам, о которых они говорят. Причина лежит гораздо глубже. Дело в том, что вера в Бога, во Христа Спасителя и исповедание учения Церкви полностью упраздняет как марксизм, так и все революционное прогрессивное учение. Учение Церкви о сущности человека, о его злоте и долге ставит обстоятельства в такую плоскость, что все революционные импульсы от самых, так называемых, идеалистов-утопистов, через все извильные социологические учений, теряют всякую почву. В свете этого учения с марксизмом не приходится бороться, изыскивая пути «бить его же оупиьем», ибо в свете Христовой Истины это злобное и ложное учение просто разлетается в дым, как призрак при пении петуха.

В свете учения Христовой Церкви, все те похоти развращенной человеческой природы, что через революцию стремятся приобрести выгоды, в которых жизнь отказала им по их жестокости, которыми они и пользоваться-то не умеют, все эти похоти, все носители похотей власти, роскоши, тщеславия и мести, совершенно теряют почву, лишаются возможности олузманивать людей, иначе способных быть орудиями их преступных стремлений. Вот почему они прежде всего направляют острие своего оружия против Церкви.

Здесь лежит то роковое «или-или», которое при революции выливается на-

С РОЖДЕСТВОМ ХРИСТОВЫМ!

Высший Монархический Совет сердечно поздравляет всех Россиян по обе стороны красной границы, с Праздником Рождества Христова и с Новым Годом!

В наступившую атомную эпоху, взоры всех людей должны быть устремлены к Родившемуся на Земле, две тысячи лет назад, Спасителю Мира, которого человечество должно просить об избавлении и от ужасов атомной войны и от ужасов господства безбожных поработителей — коммунистов.

Как хочется всем, чтобы на Земле наступил подлинный мир и в человецех благоволение!

Но надо понять, наконец, всем людям, что только с восстановлением Права и Правды на Руси, наступит на Земле тот мир, которого так жаждут все народы и о котором в Рождественские Дни молится вся Вселенная.

Мы, Россияне, знаем об этом...

Усилим же наши молитвы ко Всемогущему Богу о скорейшем избавлении нашей Родины от безбожного ига...

Но чтобы быть достойными этой милости Божией, мы должны отдать все с в о и силы на борьбу за торжество в мире Правды Христовой, на борьбу с безбожным сатанинским коммунизмом. Мы должны засвидетельствовать свою верность и преданность Православному Царю — Его Императорскому Высочеству Великому Князю ВЛАДИМИРУ КИРИЛЛОВИЧУ.

Это — наш священный долг...

Верные сыны Державной России! К вам обращается Высший Монархический Совет, с призывом — исполнить этот священный долг!

Мы твердо верим, что близится час освобождения нашего Отечества! Близится возрождение Великой России и восстановление в Ней Царственного Престола Законного Русского Царя!

Да смилостивится же Господь Бог, по нашим усердным молитвам, над нашей Страной, да приблизит Он время освобождения России от гнета безбожного коммунизма и да воссияет вновь на нашей родине Солнце Правды Христовой!

Вр. и. об. Председателя Совета
Александр Мясоедов

Вице-Председатель Совета
Благочинный Протоиерей Василий Салтовец

Члены Совета: Барон Георгий Гревениц
Лидия фон Нотбек, Георгий Кнопффер,
Георгий Скаржинский,
Алексей Колачевский

Член Совета, Управляющий Делами
Профессор Доктор Димитрий Любичев.
25 декабря 1957 г.
7 января 1958 г.

ружку морем крови мучеников и гекатомбами их тел, разрушениями святынь, уничтожением культурных, национальных и исторических ценностей, могущих так или иначе пробудить в людях от природы свойственные им движения души, которая несмотря ни на что остается христианской. Православный христианин осужден большевизмом к смерти за контрреволюцию не потому, что совершил, или же, может быть, может совершить контрреволюционный акт, а потому, что он, как христианин является носителем Истины, испровергнуть которую призваны силы революции, исконно верующей, что Бога нет и что они имеют большую силу, нежели Господь Бог. Если бы революция устранилась от борьбы с религией и прежде всего с Православным Христианством, то она перестала бы быть сама собою. Таково положение вещей в принципе, как дело ни камуфлировалось бы внешними обстоятельствами, живыми словами, или же туманом, возникающим из человеческих поступков, желаний и страстей.

Если когда-то Советская власть при гонениях на Церковь прикрывалась оправданием о реакционности Церкви и о монархических настроениях Ее пастырей, то с некоторых пор она уже откровенно говорит, что религия несомнима с марксизмом-ленинизмом. Последний, как известно, является единственным китом, на котором лежит вся затея большевизма. Это значит, что как бы теперь Советская власть ни говорила о своей веротерпимости, приведенное официальное утверждение ее равноценно возгласу, еще во времена Древнего Рима обращенного к христианам: «Non licet esse vos!» («Вам не позволено существовать!»).

И чем глубже присматриваешься к чудности революции, тем теснее сливается линия ее цели и средств, причин и следствий; тем труднее ответить на вопрос: Церковь ли они искореняют для блага революции, или же они насаждают революцию для того, чтобы искоренить Церковь? Но, глядя на кощунственный памятник, воздвигнутый большевиками на месте убийства Киевского митрополита Владимира, поневоле чувствуешь в нем страшный ответ:

Революция есть борьба против Христа.

Все остальное, с чем она связана, это только ширма и средства.

Пусть в протоколах ЦК, ГПУ и проч., постановления тройки по делам людей, осужденных по обвинениям, относящимся к жизни Церкви, основаны на параграфе 58 УК. Это не меняет дела. В корне лежит борьба против Христа!

Эти люди страдали за Христа, хотя бы многие из них даже и не решались чувствовать себя исповедниками. Они лишь принимали страдания, видя в них милость Божию, посланную им скорби за грехи отступления России от Христовой Истины в прошедших поколениях. Принимая страдания в гонениях, они чужды несением скорбей заслужить милость Божию. Но как бы ни была полной смирения их собственная мысль, дело от этого не меняется. Они были мучениками и исповедниками! Ведь каждый из них знал и знает, что ему выход из тюрьмы и лагеря открыт. Чекисты никогда не верили "раскайнию" троцкистов. Не мог каяться и человек, обвиненный во вредительстве. Даже обыватель, попавший за антисоветский анекдот, не мог спастись. Но для верующего выход всегда был. Ему достаточно было сказать: "Я не верую в Бога. Меня взяли по ошибке". Это есть факт, поверенный на судьбе, слава Богу, только единич. Увы! такие отступники тоже были. И много мужества должен иметь Советский гражданин, чтобы на вопрос: "Веруете ли вы в Бога?" ответить коротким:

"Да. Верую".

Все те русские люди, которые приняли смерть и страдания от руки большевиков по обвинениям, относящимся к жизни Церкви, приняли их во имя Христово, за Христа, за Его Истину. И сотни тысяч мучеников и исповедников являются свидетелем, что как ни глубоко было падение нашей Родины в грех богоотступничества в последние годы России, как ни низко пал русский народ, низвергнутый революцией в ров богоборчества и богоневедения, в нашем русском народе Господу Богу было угодно оставить Себе часть, которая не преклонила колен перед Ваалом, не приняла печати антихристовой!

Постоянная, непрекращающаяся до сих пор антирелигиозная работа большевистского правительства говорит о том, что до сих пор живо несчетное множество верных Христу, для которых попрежнему четко стоит граница между — "Мы, верующие" и "Они, большевики". А какое смущение потерпела Советская власть, когда всенародная перепись 1936 г. показала 90 % верующих! Пока на Русской земле жива вера во Христа, Россия все еще жива.

Церковь искони утверждала Истину Христову. Революция поднялась, чтобы эту Истину ниспровергнуть. Революция заявила, что она установит то всеобщее благо, которому, де, Церковь противится. Вот революция совершилась. Повсюду, где прошла ее кровавая поступь, она принесла неслыханный ужас, через десятилетия лишь сменившийся смятением бытом безрадостного люда, мятущегося в рабском служении своему комфорту и, в извращенном представлении о своем человеческом достоинстве, — люда, потерявшего самую цель жизни.

В России, где произошел последний акт революционного марша, большевистский явно богоборческий экстремизм революции вверх страну и народ в рабство, в разруху и нищету. Только, так называемый, "Железный Занавес", мошенническая ловкость большевистской пропаганды, да глупость обывателя способны от мира, еще не покоренного коммунистическим экстремизмом прогресса, скрыть все то, что происходит на нашей Родине. Все конструктивные намерения революционных идей кончаются крахом. Исполняются слова Св. Писания: солга неправда себе.

И это выпершее из мешка шило революционной лжи лучше слов доказывает, что общественное благо отсут-

ствует только тому обществу, которое живет в верности Христовой Истине.

Сегодня мы благоговейно вспоминаем русского первоученика Киевского митрополита Владимира. С ним вместе вспоминаем мы и неисчислимый сонм архипастырей, пастырей, монахов и мирян, принявших смерть от руки богоборческой власти. Мы чтим их память, как мучеников, как стоятелей за Истину Христову против антихристовой лжи революции. Опыт истории говорит, что вне Христовой Истины — ложь, обман и злодейство, какими бы благозвучными, прогрессивными и гуманными словами они ни прикрывались.

Почитая память Новых Мучеников Российских, мы вместе с ними исповедуем Христа — Божию Силу и Божию Премудрость. Вознося молитвы о упокоении мучеников, мы чтим их память и молим Бога, чтобы кончился срок тяжкого наказания нашей Родине, чтобы Правда Божия воссияла на Русской Земле.

Если бы Россия всегда была безусловно и поголовно верна Христу, никогда не могло бы возникнуть на нашей Родине ни внешних причин к революции, ни самой революции, тем более.

Революция есть борьба против Христа!

Борьба против революции начинается верностью Христу Иисусу Сыну Божию и Его Истине, исповедуемой Его Святой Церковью. Верностью в великом и в малом; верностью от маленьких капелек пота повседневной будничной жизни, до уз и до смерти.

Кровь мучеников вопиет к нашим сердцам и требует от нас этого подвига. Россия должна жить для Славы Божией. Иначе ее никогда не будет. Горе тому, кто надеется на Божью помощь для восстановления материального благополучия России, для удовлетворения национальной гордости или, Боже сохрани, чувства мести.

Со времен Великого Князя Владимира нам много дано и много с нас спрашивается. Да не посрамим честного русского имени, если наш духовный взор сегодня встретится с последним взглядом священномученика митрополита Владимира, когда он поднял руки в своей смиренной предсмертной молитве. Пусть сегодня этот скорбный взор проникнет в глубину наших охладевших сердец.

"Помните наставников ваших, иже глаголаша вам слово Божие и взирающе на скончание жития их, подражайте вере их". Так нас учит св. Апостол Павел.

Мы верны мученикам Христовым.

Мы верны Христу.

Ему да будет слава.

Н. Кусаков

Материалы к ознакомлению с личностью покойного Митр. Владимира:

1) Похвальное слово новым священномученикам Русской Церкви. Митр. Анастасий; Юбилейный сборник к дню 50-летия священнослужения, ст. 55-ая

2) Высокопреосвященнейший Владимир, Митрополит Киевский и Галицкий Прот. М. Польский, в книге "Новые Мученики Российские", том I-ый.

ИЗДАТЕЛЬСТВО "НАША СТРАНА"

ВЫШЛА ИЗ ПЕЧАТИ И ПОСТУПИЛА В ПРОДАЖУ новая книга

**Г. МЕСНЯЕВ
ЗА ГРАНЬЮ
ПРОШЛЫХ ДНЕЙ**

Содержание:

I
За гранью прошлых дней. — Околдованный витязь (1. "Князь Серебряный". 2. Во дворце. 3. "Тень Грозного". 4. Закат печальный).

II
Кадетские годы (1902-1909). — Давнее.

III
"Семингорье". — "Бимлюк". — Еврейская больница. — Вайнахт. — Святая простота.

Цена — Ам. дол. 3.30 или эквивалент в местной валюте. В Аргентине — 80 песо. Стр. 304.

Заказы направлять автору или по адресу редакции "Нашей Страны".

TENEMOS UN SOLO ENEMIGO; FORMEMOS UNA SOLA UNION

por ALBERTO DANIEL FALERONI

(Conclusión)

En cuanto al problema de las naciones sojuzgadas se debe trabajar contra el enemigo común, afirmando los principios que nos unen y no insistiendo en asuntos que dividen.

El mejor aliado que tienen los soviéticos para interferir nuestra potencia dinámica combativa es cualquier motivo de fricción, división, anarquía, o derrotismo, que se origine por causas que hoy deben ser superadas ante el peligro que nos amenaza, de ser devorados por el insaciable imperialismo rojo. Insistir en la solución de problemas nacionales cuando aún no se ha derrotado al Gran Enemigo, que es común a todos, es lo mismo que ser agente emboscado de ese enemigo. Sería igual que ahora, que los sudamericanos debemos defender el Atlántico Sur dentro de la estrategia global anticomunista y en la cual nos incluímos los argentinos, nos pusieramos a gritar y siguiéramos con nuestra campaña de cien años por la liberación de nuestras Islas Malvinas, en manos de Gran Bretaña desde 1833. No. PRIMERO ESTA AHORA EL ENEMIGO COMUN Y HAY QUE VENCER A ESE ENEMIGO COMUN; DESPUES QUE VENZAMOS AL ENEMIGO COMUN. ENTONCES VOLVEREMOS A LUCHAR POR LA RECUPERACION DE LAS MALVINAS. Hacerlo ahora es debilitar la defensa del Atlántico Sur, que es lo que les interesa a los soviéticos. De ahí que los agentes rojos y los mismos comunistas de la Argentina, alienten todas las campañas nacionalistas de este tipo. Ello conviene a la estrategia global soviética. Igual sucede con algunos movimientos nacionalistas europeos, a los cuales rogamos depongan sus objetivos locales en beneficio del cumplimiento de los objetivos mundiales. El enemigo es uno, y una debe ser la unión.

La liberación de Rusia. Este es un punto capital, el primer punto de nuestra cruzada de liberación.

Liberada Rusia del poder soviético, AUTOMATICAMENTE se liberarán las demás nacionalidades sojuzgadas. Rusia es un aliado inapreciable en esta gran campaña libertadora y ella debe participar en el frente mundial de liberación como una nación sojuzgada más. Rechazar o desconocer su aporte es sumarle fuerzas al enemigo común. Aquí también tiene suma importancia el lema: TENEMOS UN SOLO ENEMIGO; FORMEMOS UNA SOLA UNION.

Así es cómo se observa el panorama de la liberación del mundo del imperialismo soviético, desde Sud-América.

Quién diga lo contrario debe tener, posiblemente, algún interés egoísta que defender, al margen de los grandes principios que mueven nuestras voluntades. Y nosotros creemos que no caben esos intereses en una causa tan sagrada como es la de la liberación de los pueblos.

ЖЕЛАЮ ПРИОБРЕСТИ СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ:

1. Себастьян Княпп. Мое водолечение (на русском языке)
2. Н. Бердяев. Смысл истории. Изд. 1923 года
3. Русский календарь по 1914 год. Изд. Суворина
4. В. Иванов. От Петра I до наших дней.

Предложения с указанием стоимости книги прошу направлять в Редакцию газеты "НАША СТРАНА"

"Женская Секция Союза Российских Антикоммунистов приглашает членов Союза и друзей на

ЧАШКУ ЧАЯ,

с небольшой литературной программой при участии:

М. Бойкова — разбор романа В. Дундичева "Не хлебом единым",

Л. Даль и В. Красновой — свои произведения.

В субботу, 8-го февраля с. г. в 17.30 часов в помещении ДРБ".

НАША СТРАНА

ОРГАН МОНАРХИЧЕСКОЙ МЫСЛИ
NUESTRO PAIS
Organo Monárquico Ruso
Editor-Director
VSEVOLOD DUBROWSKY
Monroe 4219, Buenos Aires, Argentina

ПРЕДСТАВИТЕЛИ AMERICA DEL SUR:

Brasil: Leo Rubanov, Caixa postal 8404
Correio Central, Sao Paulo.

Chile: Sr. Nicolás Rogalev, Correo Central Clasificador F 456, Santiago de Chile.

Venezuela: Sr. K. Kellner, Av. Sarria 24, Quinta Coromoto (Club Ruso), Caracas.

Paraguay: Sr. A. F. Lapchinsky, M.P. O. C. Dirección General de Vialedad, Alberdi esq. Gral. Díaz. Asunción.

U. S. A.

Mrs. M. S. Kingstone, 11 Wolfe ave. San Rafael, Calif. USA.

Mr. A. Klushkin, 196 — 6th Ave, Apt. B. San Francisco 18, Calif.

Mr. M. Maltzoff, 1332 Lucille Ave, Los Angeles 26, Calif.

The Russian National Book Store, 327 E. 14th St. New York 3. N. Y.

Allies Book Shop, 3456, Broadway, New York 31, N. Y.

CANADA

Mr. B. A. Romanovsky, 12036-90 Str.. Edmonton, Alta.

Mr. A. Kostyria, 6 Argyle St., Toronto 3, Ont.

Mr. André Alpatoff, 11961, rue Poincaré. (Bordeaux), Montreal (P. Q.)

EUROPE

Belgique: Librairie et Bibliotheque Slave — 13, Rue de Roumanie, Bruxelles

France: Mr. A. Krivocheff, "Kama" 27, rue de Villiers, Neuilly s/Seine, Seine.

Germany: Frau J. Seuberlich, Wolfsburg Postfach 142

Grèce: Mr. Filatoff, Rue Dedalou 26, Athenes.

Holland: G. A. Kolf, Amsterdamcne Weg 96, Arnhem.

AUSTRALIA

Mrs. E. Parker, 28 Queen Bess Str. Buranda, Brisbane, Q-d.

Polyglot Book Depot, 256 Collins Str., Melbourne C 1.

Mr. M. M. Spassovsky, 8, Richmond Str., South Wentworthville, N.S.W.

ASIE

Iran: Mr. L. Popov, Manoutcheri Str., Koutcheh Goudarzi No. 12, Teherán.

Продолжается подписка на
ЕЖЕНЕДЕЛЬНУЮ ГАЗЕТУ

НАША СТРАНА

основанную И. Л. Солоневичем под редакцией Вс. Дубровского
ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО НОМЕРА
Аргентина — 3 песо; САСШ — 30 ам. цент.; Канада — 30 кан. ц.; Бразилия — 6 круз.; Венесуэла — 1 бол.; Уругвай — 40 ур. сент.; Парагвай — 8 гуар.; Чили — 25 чил. песо; Англия — 1 ш. 3 пенса; Франция — 60 фр. фр.; Бельгия — 10 бельг. фр.; Швейцария — 1 шв. франк; Германия — 75 пф.; Иран — 10 риал; Австралия — 1 ш. 6 пенс. австр.; Марокко — 60 фр.; Италия — 150 лир; Голландия — 0.65 гульдена; Швеция — 1 шв. кр.

...ПО ВОЗДУШНОЙ ПОЧТЕ
САСШ и Канада — 35 цент.; Бразилия 8 круз.; Венесуэла — 1.25 бол.; Парагвай — 10 гуар.; Чили — 50 чил. песо; Франция — 100 фр. фр.; Германия — 1 нем. марка; Голландия — 1 гульден...

В розничной продаже и при подписке — цена номера одинакова. Подписную плату настоятельно просим вносить не менее чем за 3 месяца вперед.

ПОДПИСКА

принимается Редакцией "Нашей Страны" и ее представителями на определенное количество порядковых номеров, или на срок на 6 или на 12 месяцев (подписная плата в этом случае равна соответственно стоимости 25-ти или 50-ти номеров)